

К четвертому году

Когда три года тому назад журнал „Плановое Хозяйство“ начинал разворачивать свою работу, самая идея планового хозяйства многим казалась надуманной, нежизненной в нашей обстановке.

Первые годы нашей работы мы должны были посвятить в первую очередь пропаганде идеи планирования. Нужно было еще развернуть знамя планового хозяйства, нужно было стягивать силы в строившиеся под ним ряды.

То было время, когда, справившись в основном с невероятными бедствиями экономической разрухи, мы совершали последнюю треть нашего пути к довоенным масштабам хозяйства. В соответствии с этим психология „восстановительного процесса“ доминировала над сознанием не только обывателя или буржуазно-мыслящего экономиста. Широкое разворачивание рыночных отношений, успехи восстановления денежной системы и стабилизации червонца имели своей оборотной стороной некоторое возрождение товарного и денежного фетишизма, — рецидив замутнения в человеческом сознании тех основных контуров социально-экономических отношений, которые с такой жестокой ясностью выявились в героические годы революции и гражданской войны. Находились малoverы, которым казалось, что великие организующие идеи научного социализма отступают на второй план, отодвигаются в неопределенную даль перед той реальностью, которую они видели в методах стихийно-рыночного регулирования развернутого нэпа. В те годы даже из уст ответственных руководителей нашего хозяйства можно было слышать насмешливые, презрительные отзывы о плановой работе.

Но время шло и несло с собою новые и новые завоевания на хозяйственном фронте, давая в руки рабочего государства — коллективного хозяйствующего субъекта — все новые и новые опорные пункты, новые и новые участки, укреплявшие прежние командные высоты экономики и создававшие добавочные новые. Мощный рост социалистического хозяйства, сосредоточивая в руках государства все большее и большее количество экономических факторов, связывая все более и более его организующим влиянием стихийные участки советской экономики, в то же время и все более и более обязывал государство к организующему воздействию на экономику страны.

Наступил период, когда под давлением экономической необходимости мы должны были констатировать совершенно необычный дотоле хозяйственный „минимум“. В минимуме оказался план. Результатом этой осознанной необходимости и явилась широко развернувшаяся за последние годы плановая работа — работа рационалистического регулирования народного хозяйства.

Первым ее ощутительным шагом были „Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1925/26 хоз. год“, выпущенные в августе 1925 г., цифры, в колонках которых даже оппозиционные вожди слышали „великолепную музыку грядущего социализма“.

Следующий шаг — контрольные цифры на 1926/27 год — был уже гораздо более твердым и решительным.

Но в это время уже готовился третий шаг по пути планового охвата народного хозяйства: уже весной 1926 г. Госплан рискнул на Съезде плановых органов страны выступить с первой наметкой пятилетнего плана. Последующие работы дали возможность в марте 1927 г. выступить с объемистым трудом — вариантом пятилетнего плана, сверстанным Центральной комиссией и рассматриваемым в качестве материалов, подлежащих широкому обсуждению и долженствующим лечь в основу будущего пятилетнего плана.

Осень 1927 г. принесла с собою новое достижение: контрольные цифры за 1927/28 г. были настолько детально и основательно проработаны, что их можно было уже принять как правительственную директиву к ведению народного хозяйства, даваемую наркоматам и всем хозяйственным органам, в то время как контрольные цифры прежних лет служили лишь для ориентировки их.

К зиме 1927/28 г. — ноябрь — январь — мы имели две дальнейшие попытки уточнения и новой сводки пятилетнего плана, последняя из которых уже с учетом семичасового рабочего дня.

Вместе с тем, осенью 1927 г. мы впервые за весь период после введения новой экономической политики имели широкое деловое обсуждение конкретного проекта пятилетнего народнохозяйственного плана и директив к его окончательной компоновке, даваемых партией и советским правительством его составителям.

Весь последующий год в смысле планового руководства пройдет под знаком работ по пятилетнему плану.

Этим определяется и лицо нашего журнала. От пропаганды идей планирования, от борьбы за их признание — к созидательной плановой работе. Читатель журнала, — в большинстве сам участник хозяйственной деятельности страны, — не мог не заметить, что журнал „Плановое Хозяйство“ в течение последнего года — это уже не только и даже не столько трибуна, с которой пропагандируются и на которой предварительно обсуждаются идеи планирования; это уже арена, на которой идет плановая работа, работа по плановому регулированию хозяйства СССР. Таково теперь преобладающее содержание номеров журнала.

Это наши будни. Но эти будни мы ставим выше наших праздников, когда лишь подводятся итоги завоеваний. Это те будни, которые обязывают нас больше, чем когда бы то ни было, требуя от нас удовлетворения величайшей, исторически осознанной народнохозяйственной потребности, сформулированной на XV съезде Всесоюзной коммунистической партии в лозунге: „даешь план!“.

В этот период работ задачей журнала становится: быть организующим центром, стягивающим силы к плановой работе, приковывающим внимание советской общественности к величайшим проблемам современности, от того или иного разрешения которых зависит направление, придаваемое нами динамике народного хозяйства страны, зависят и те темпы, которыми мы поведем страну к поставленным целям.

И странное дело! В то время как в наших рядах находятся малoverы, которые, так или иначе исчерпав свои силы, отходят в сторону от творческой деятельности пролетариата и становятся в позу мефистофелей, предпочитающих отравленную критику живому делу, — самое дело освобождения труда от слепой силы экономической стихии и подчинения этой последней его коллективному разуму шаг за шагом, год за годом приобретает себе все большее признание, пробивая брешь и в стане врагов.

В этом отношении особенно показательно свидетельство известного американского экономиста Стюарта Чэза, специально изучавшего плановую работу в СССР и поместившего недавно в „Нью-Йорк Таймс“ большую статью на эти темы.

„В настоящее время, — пишет этот автор, — шестнадцать человек совершают в Москве наиболее смелый экономический опыт из виденных когда-либо в истории. Составляемый ими президиум Государственной плановой комиссии, ответственный перед Советом народных комиссаров, закладывает основы промышленного будущего 146 млн. человек и $\frac{1}{6}$ части земной поверхности на 15 лет.¹ Они составляют тщательный и крайне детализированный план на год вперед, тщательный, но менее детализированный план на ближайшие 5 лет и закладывают основы плана общего экономического развития на ближайшие 15 лет. Не только промышленность, но и сельское хозяйство, транспорт, энергетическое хозяйство, экспорт импорт и государственный бюджет входят в круг их работы“.

„У нас в Америке нам иногда удается координировать продукцию и спрос, или, как говорят инженеры, „балансировать груз“ на

¹ Мы, разумеется, оставляем в стороне упрощенные американские индивидуалистические представления Чэза о работе „16 человек“. Сами эти „16“ осознают себя в первую очередь организаторами работы плановой мысли величайшего хозяйствующего коллектива. Чэз и те немногие добросовестные буржуазные экономисты, которые признают ценность проделываемой в СССР работы по планированию, не понимают одной вещи, которая для нас является решающей, — коллективного характера творческих усилий пролетариата в строительстве социалистического хозяйства.

отдельной фабрике, реже нам удастся балансировать его в пределах одной сильной промышленной монополии, как Американское телефонное и телеграфное общество; но в России пытаются регулировать всю экономическую жизнь, в частности, в виде обеспечения против кризисов и спекулятивных бумов“...

„Этот опыт так значителен, так велик и так смел, что ни кто, изучающий экономику, не может пренебречь им. Окажется ли этот опыт превосходящим границы человеческих административных способностей и окончится неудачей, или же он окажется успешным, все равно он научит нас многому“.

Говоря далее о сложности проблемы с точки зрения американских представлений, Чэз восклицает: „Вероятно даже Генри Форд растерялся бы перед такой задачей. Для более заурядных смертных путешествие на луну показалось бы не менее осуществимым. Между тем, в России находятся люди, принимающие вызов в более обширной, хотя и менее развитой в промышленном отношении стране.“

„Эти 16 человек, — пишет он, — „заготавливают“ экономическую жизнь 146 млн. человек на год вперед с таким же спокойствием, как глостерский житель заготавливает свою рыбу“.

И далее, оценивая качество этой работы, Чэз говорит: „То, что я видел из области фактического функционирования экономической системы в России, заставляет меня предположить, что исполнение планов на 1928 год будет не столь далеко от предположений и предсказаний, сделанных с таким спокойным расчетом“.

Таково внимание и такова оценка буржуазной мысли плановой работе, ведущейся в СССР.

И это внимание буржуазной экономической мысли к тому делу, которое мы призваны осуществлять, есть не единственное свидетельство его успехов. Еще большее внимание плановая работа привлекает со стороны наших друзей, трудящихся всего мира, делегации которых неизменно проявляют к ней пристальный интерес.

„Человечество не ставит себе неразрешимых задач!“ — любил говорить бессмертный основоположник научного социализма и вождь пролетариата в его освободительной борьбе.

И мы не сомневаемся, что величайшая задача творческого овладения механизмом регулирования всей социально- и технико-экономической жизни страны, с такой повелительной необходимостью поставленная историей перед сознанием победоносного пролетариата, будет разрешена положительно. Поручкой тому и бодрый молодой энтузиазм восходящего класса и его поражающие мир успехи на пройденном уже историческом пути, и высокая сознательность сопутствующих ему социальных слоев, несущих свои силы и свой накопленный опыт на алтарь творческой, созидательной работы пролетариата.